

Новая Польша 7-8/2017

0: И жили долго и счастливо

Правительство приняло многолетний финансовый план. Запланировано процветание: быстрый экономический рост, снижение уровня безработицы, сокращение дефицита сектора публичных финансов, а также уменьшение публичного долга. Звучит как сказка. И так же, как и в сказку, — трудно в это поверить.

План простой. Польская экономика в ближайшие годы будет быстро развиваться благодаря реализации плана Моравецкого, евросоюзным инвестициям, а также растущим доходам поляков, которые, в свою очередь, будут способствовать увеличению потребительского спроса. В этом году ВВП возрастет на 3,6%, в будущем — на 3,8%, а в двух последующих темп роста достигнет 3,9%. Как утверждает вице-премьер и министр развития и финансов Польши Матеуш Моравецкий, после 2020 г. у нас есть шанс удержать эти 4%, а может быть, темп даже ускорится.

Пока он может безнаказанно давать такие обещания, но не может планировать, поскольку многолетние финансовые планы государства охватывают только четыре бюджетных года. Такой документ требует Европейская комиссия, а также Совет министров финансов и экономики (ЭКОФИН), готовящий рекомендации, которые касаются экономической политики государств-членов и которые следует учитывать при проектировании бюджета на следующий год. Это часть программы конвергенции, т. е. достижение стандартов, необходимых для введения евро в качестве общей валюты. Сегодня трудно в это поверить, но Польше предстоит выполнить это обязательство.

Магический шар вице-премьера

Делать прогнозы трудно, особенно если дело касается будущего — гласит известное изречение, приписываемое датскому физiku, лауреату Нобелевской премии Нильсу Бору. В справедливости этого высказывания в течение последнего года мог убедиться вице-премьер Матеуш Моравецкий, который последовательно пытается прогнозировать экономический рост. И никак у него это не выходит.

В ноябре 2015 г. он говорил: «Мы бы хотели, чтобы рост ВВП в Польше был более 4%. Мы верим, что благодаря инвестициям, экспорту мы сможем добиться не только увеличения ВВП, превышающего сегодняшние прогнозы, но и сбалансированного и здорового роста». Однако в бюджете государства на 2016 г. был предусмотрен рост ВВП меньше, чем ожидал вице-премьер — 3,8%, т. е. такой же, как в 2015 году. Но было обещано, что в 2017 г. будет уже 4%.

Экономисты и международные финансовые институты достаточно скептически приняли этот план, назвав его нереальным. Большинство экспертов прогнозировало, что если удастся превысить отметку в 3%, то это будет успех. Пессимисты пророчили более низкий темп, за что на них набрасывались и обвиняли их либо в заговоре, либо в крайней некомпетентности.

Вице-премьер быстро сориентировался, что заоблачных результатов на деле достичь не удастся, но заверил: «В этом году у нас есть шанс, и я думаю, что мы добьемся 3,7–3,8%». В августе стало понятно, что дела идут вовсе не так, как хотелось бы. Поэтому в следующий раз он сбавил тон: «Есть шанс превысить отметку в 3,5%. Это означает, что за весь год ВВП вырастет на 3,4–3,5%, то есть немного ниже запланированного». В октябре он лаконично сообщил: «Прогноз роста за весь 2016 г. составляет 3,4%». Впоследствии по поводу 2016 г. Моравецкий уже не высказывался. А в январе 2017 г. Главное статистическое управление (ГСУ) обнародовало неутешительные данные: «По предварительным оценкам ВВП в 2016 г. вырос на 2,8% по сравнению с 3,8% в 2015 году». В апреле же ГСУ снизило свои оценки: «ВВП в 2016 г. вырос на 2,7%». Так с обещанного вице-премьером роста более 4% мы скатились до 2,7%.

Несмотря на это Польша — как оказалось — добилась исключительных экономических успехов.

— Мы говорим «экономика плюс», и этот плюс стоит прибавить, учитывая, что она развивается все быстрее и становится все сильнее, — утверждала премьер-министр Беата Шидло на конференции, на которой она присутствовала вместе с Матеушем Моравецким.

О скверных итогах 2016 г. Беата Шидло не вспоминала. Она сосредоточилась на более важном, с ее точки зрения, марте 2017 г, в котором ГСУ зафиксировало большой рост розничных продаж и увеличение объема реализации промышленной продукции, что она назвала лучшим доказательством того, что «мы вводим такие программы и проекты, которые реально влияют на развитие польской экономики».

В свою очередь, Моравецкий назвал успешными итоги четвертого квартала 2016 г. Это «самый быстрый рост за последние десять лет (...), один из самых значительных итогов в Европе», — с восторгом говорил он. Правда, этот небывалый рост вытекал из сравнения с предыдущим, исключительно слабым кварталом. И немного улучшил итоги года в целом. Но статистика имеет такую особенность, что если очень хочется, то всегда можно

найти какой-нибудь повод для гордости. Нужно только творчески подойти к числам и некритическим слушателям.

Большинство экономистов настроено, однако, по-прежнему критично. Поэтому многолетний финансовый план они приняли с большой осторожностью. Даже бывшие подчиненные вице-премьера из АО «Банк заходни ВБК» считают, что «прогнозы ведомства финансов держатся на достаточно оптимистических макроэкономических основаниях. (...) Трудно будет удержать экономический рост в последующие годы на уровне около 4%».

Такого же мнения придерживается экономист проф. Витольд Орловский:

— Можно стимулировать экономику, чтобы добиться более высокого квартального и даже годового роста ВВП. Но я не вижу источников, которые смогли бы обеспечить Польше постоянный рост на уровне 4%. План Моравецкого содержит во многом точную оценку проблем польской экономики, но предлагает плохие решения. Главный экономист Конфедерации частных работодателей «Левиафан» Малгожата Старчевская-Кшиштошек отказывается давать оценку многолетнего финансового плана:

— Мы не знаем, на какие макроэкономические основания опираются авторы. Сегодня мы имеем дело со столькими факторами неопределенности и риска, что прогнозировать итоги следующего квартала непросто, говорить о результатах следующего года очень трудно, а многолетний прогноз — это гадание на кофейной гуще. Мы не знаем, например, как будет выглядеть польская налоговая система, что будет с рынком труда, на каких принципах будет осуществлен Брексит, какой будет политика Трампа и т.д.

Обо всех этих трудностях даже краткосрочного прогнозирования лучше всего должен знать Матеуш Моравецкий.

План правительства предполагает, что развитие польской экономики в ближайшие годы будет идти за счет индивидуального потребления, то есть благодаря растущим расходам домашних хозяйств, а также за счет евросоюзных и отечественных инвестиций из государственного и местного бюджета и инвестиций польских фирм.

Самой простой частью этого плана является стимулирование потребительского спроса. Поляков не надо долго уговаривать. Достаточно немного оптимизма, стабильной работы, чуть больше денег в кошельке — и они тут же идут за покупками. Таким покупательным катализатором стали деньги из программы «Семья 500 плюс». Уже во второй половине прошлого года розничные продажи стали быстро расти. Особенно это касается продуктов и товаров широкого потребления. Вместе с тем аналитики Национального банка Польши (НБП) в своей периодической оценке экономической ситуации в стране обращают внимание на то, что сравнительно мало денег из программы «Семья 500 плюс» идут на нерыночные услуги, к каким относятся, например, медицинская помощь и образование. То есть мы охотнее вкладываем дополнительные деньги в телевизоры или автомобили и гораздо меньше в здоровье и образование детей, которые теоретически должны были стать главным объектом программы.

Что же касается влияния программы «Семья 500 плюс» на рост рождаемости, то здесь мнения экспертов разделились. После претворения в жизнь программы действительно выросло число рождаемости, но не настолько, чтобы говорить о беби-буме, о котором уже было официально объявлено. У нас по-прежнему отрицательный естественный прирост населения.

Колесо заело

Плодами программы активно пользуются некоторые отрасли. Рекордные продажи фиксируют туристические бюро, в выигрыше оказались продавцы автомобилей. В первом квартале этого года было продано 125,9 тыс. личных автомобилей, это на 21,2 тыс. больше, чем в предыдущем квартале. Частными лицами было куплено на 13,4% новых автомобилей больше.

— Четыре наиболее престижные марки премиум-класса — «БМВ», «Мерседес», «Ауди» и «Вольво» — зафиксировали увеличение объема продаж примерно на 30%, в среднем каждый четвертый автомобиль был куплен частным лицом, — говорит, председатель Польского автомобилестроительного союза Якуб Фарыс. Растущий спрос обнадеживает многих предпринимателей. Из анализа НБП следует, что эта ситуация в ближайшее время может подтолкнуть многие фирмы к увеличению своего производственного потенциала, а также к повышению цен. Растущая инфляция — это побочный эффект нашей увеличивающейся склонности тратить деньги. Это также дополнительная выгода для правительства, так как рост цен увеличивает налоговые поступления.

— Потребительский спрос не создает постоянного экономического роста. Он только стимулирует импорт, увеличивая торговый дефицит, с которым у нас уже сейчас есть проблемы. Серьезным вызовом является сегодня низкая степень экономии, что подчеркивает вице-премьер Моравецкий. Поэтому я не понимаю, почему вместо того, чтобы создавать национальный капитал, он предлагает потребление, — недоумевает проф. Витольд Орловский.

Другим маховым колесом польской экономики должны стать инвестиции. И здесь мы сталкиваемся с проблемой. Потому что насколько легко нам удалось раскрутить «потребительское колесо», настолько сильно у нас заедает инвестиционное. Мизерный рост ВВП в прошлом году — это результат инвестиционного поражения. И хотя Матеуш Моравецкий уверял, что вскоре все сдвинется с места, много чего не хватает, чтобы наконец сдвинулось.

— За последнее время немного лучше стала ситуация с дорожными инвестициями, появилось больше торгов. Что, конечно, не означает, что у нас всё хорошо. Зато плачевной остается ситуация с железной дорогой. Но к этому строительная отрасль уже успела приспособиться, так что это не стало для нас сюрпризом. Жаль только, что деньги, выделенные на железную дорогу из бюджета ЕС, могут оказаться неиспользованными, — считает председатель Польского союза работодателей строительства Ян Стылинский. На дорожные и железнодорожные инвестиции идет большая часть евросоюзных средств.

Строительная отрасль рассчитывает на органы самоуправления, которые также воздерживаются от инвестиций. Однако намеченные на следующий год выборы в местное самоуправление могут подтолкнуть их к принятию решений, чтобы показать избирателям, как много они строят. Поэтому уже сегодня часть экономистов опасается, что если государство и органы самоуправления начнут одновременно наверстывать отставание с использованием европейских средств, то мы начнем стремительно входить в долги. Возникнут проблемы с дефицитом сектора правительственных институтов и органов самоуправления (2,4% ВВП в 2016 г.), а также с уровнем их задолженности (54,4% ВВП).

Все инвестиции требуют собственных вложений и предварительного финансирования из польских источников, поскольку Брюссель платит только после реализации (а в случае более крупных инвестиций — после определенных этапов). Мы начнем занимать деньги, и органы самоуправления снова окажутся в долгах. Между тем многолетний план Моравецкого предполагает, что инвестиционная политика будет сопровождаться сокращением долга публичного сектора и уменьшением его дефицита.

Как этого достичь? За счет увеличения темпа роста ВВП и бюджетных доходов, что, как известно, непросто. Можно также получить деньги на стороне, забрав в конце концов все, что накопили открытые пенсионные фонды. Однако многого мы не сможем добиться без инвестиций предприятий. А предприниматели к инвестированию не стремятся. В прошлом году мы зафиксировали исключительно сильное падение инвестиций — на 13,2%.

Искушение для пенсионеров

Председатель Качинский обвинил частных предпринимателей в антиправительственном заговоре, стало страшно. Сегодня премьер-министр Беата Шидло старается говорить с предпринимателями языком любви, убеждая их в том, как они важны и как много делают для экономики. Это особо не помогает.

— Сдержанность предпринимателей вытекает из ощущения неуверенности и страха перед политическими и юридическими рисками, которые трудно оценить. Если в одно и то же время несколько высоких представителей властей предложит несколько конкурентоспособных проектов реформирования налоговой системы, то трудно будет планировать новую инвестицию. Если изо дня в день радикально изменяются условия функционирования целых экономических отраслей — например, торговли, аптечного рынка, ветряной энергетики — тяжело спокойно думать о развитии бизнеса. Согласно нашим оценкам, эту проблему чувствуют не только польские, но и заграничные предприниматели, — поясняет Малгожата Старчевская-Кшиштошек.

Наряду с этим эксперт обращает внимание на то, что в таких условиях даже у самых смелых предпринимателей возникает проблема с получением кредита, поскольку банки требуют бизнес-планов, в которых будут учтены не только ныне действующие правила, но также и те, которые, возможно, будут введены. И часто такой альтернативный сценарий предопределяет фиаско проекта. Между тем непрерывно появляются новые правила, которые усложняют ситуацию для предпринимателей. Самый последний пример — это увеличение процедуры регистрации плательщиков НДС с нескольких дней до нескольких месяцев, поскольку государство будет сейчас тщательно проверять каждого с целью исключить мошенничество.

— В течение года было основано 350 тыс. предприятий. Без регистрации НДС невозможно начать деятельность. Такого рода решение серьезно тормозит развитие предпринимательства, — предостерегает Малгожата Старчевская-Кшиштошек.

Предприниматели вынуждены также бороться еще с одним препятствием — нехваткой рабочей силы. Падение уровня безработицы премьер-министр Беата Шидло считает одним из доказательств успешной работы своего правительства, хотя его роль в том невелика. Гораздо большая заслуга здесь у Ангелы Меркель, так как растущий спрос на работу — это в значительной мере результат хорошей конъюнктуры для польского экспорта, главным потребителем которого является немецкий рынок. Многолетний план предполагает, что с имеющегося уровня безработицы 6,2% к 2020 году мы спустимся до 4%.

— Мы подбираемся всё ближе к границе фрикционной безработицы, то есть такой ситуации, когда без работы остаются те люди, которые не имеют каких бы то ни было квалификаций, требующихся на рынке. Поэтому мы должны серьезно подумать о работниках из-за границы, — говорит Казимеж Седляк, эксперт рынка труда из фирмы «Седляк энд Седляк».

Ситуация работодателей дополнительно осложнится осенью, когда в силу вступят правила о снижении пенсионного возраста. Более 300 тыс. человек дополнительно получит право выйти на пенсию. Одновременно с этим правительство будет вынуждено увеличить дополнительное бюджетное финансирование Фонда общественной безопасности. Поэтому оно обещает, что убедит заинтересованных, чтобы те не использовали данного им права, и число фактических случаев выхода на пенсию будет незначительным. Стимулировать

желание продолжать работать будут специальные советники, которых нанял Фонд социального страхования. — Мы слышим также о 10 тыс. злотых, которыми предполагают прельстить кандидатов в пенсионеры, чтобы те не прекращали трудовую деятельность. А это в случае одной только группы пенсионеров нынешнего года обойдется в 3 млрд злотых. Я не очень понимаю, какой в этом смысл, — удивляется Малгожата Старчевская-Кшиштошек.

— Во времена правительственной коалиции Гражданской платформы и Польской крестьянской партии Польша шла тем же путем, что и Греция: драматически росли долги, граждане имели небольшую поддержку, в бюджет не поступали налоги, а государство было не в состоянии поддерживать польские семьи и проводить хотя бы такую программу, как «Семья 500 плюс», — сказала премьер-министр Беата Шидло. Это чем-то напоминает анекдот о Гомулке. Владислав Гомулка — государственный деятель Польши, генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии (1943—1948), первый секретарь ЦК Польской объединённой рабочей партии (1956—1970), который в своем выступлении сказал, что Польша стояла над пропастью. А затем добавил: но мы сделали большой шаг вперед.

1: Экономическая жизнь

В прошлом году гражданин Польши имел в распоряжении в среднем 1475 злотых в месяц. Статистики называют эту сумму располагаемым доходом и информируют, что в реальном выражении она возросла на 7% по сравнению с 2015 годом. Как отмечает в «Газете wyborczej» Кароль Погожельский, экономист «INGBank», около 2,5% роста обеспечивает программа «500 плюс», а остальное — следствие улучшения конъюнктуры на рынке труда. В соответствии с докладом Главного статистического управления, в 2016 году средние расходы составляли 1132 злотых на человека в семье и были на 4,35 выше, чем годом ранее. Рост доходов создает лучшие возможности для накоплений. В самой лучшей материальной ситуации находится самозанятое население. Далее идут пенсионеры по старости, затем рабочие, пенсионеры по инвалидности, а в конце — лица, занимающиеся сельским хозяйством. Однако разница в доходах жителей города и деревни уменьшилась. Село быстро богатеет: среднедушевой доход сельского населения вырос на 9,8%, тогда как городского — только на 4,9%. Разница между самыми богатыми и самыми бедными не углубляется, — пишет Эдита Брыла в «Газете wyborczej». Средний располагаемый доход для верхнего двадцатипроцентного слоя составил в прошлом году 2879 злотых, что в пять раз больше, чем в двадцатипроцентном слое самых бедных. Это отношение заметно уменьшилось: в 2015 году располагаемый доход богатых был более чем в шесть раз больше, чем у бедных.

По числу намеченных к реализации проектов зарубежных инвесторов Польша оказалась в первой пятерке европейских стран, — сообщает «Дзенник газета правна», ссылаясь на доклад консалтинговой фирмы EY. Эти проекты характеризуются значительным — по сравнению с высокоразвитыми странами — привлечением рабочей силы, так что по числу рабочих мест, созданных в результате прямых зарубежных инвестиций, Польша уступает только Великобритании. Польша должна повысить уровень инвестиций, который в последние десять лет был ниже, чем в большинстве стран Центральной Европы. Зарубежный капитал, особенно прямые инвестиции, играет существенную роль в построении потенциала страны, — отмечает Марек Розкрут, главный экономист EY. После победы на парламентских выборах осенью 2015 года правительство «Права и справедливости» многократно декларировало поддержку отечественному капиталу, чтобы таким образом уменьшить якобы чрезмерную зависимость Польши от заграницы. Зарубежный капитал, однако, не отступил. В 2015—2016 годах число новых проектов возросло до 233 в год, в предшествовавшие десять лет этот показатель не поднимался выше 150 проектов в год. Для инвесторов Польша привлекательна прежде всего рынком труда. По результатам проведенного EY анкетирования, более 80% из 505 опрошенных менеджеров зарубежных фирм считают сильной стороной польской экономики трудовые навыки польских работников. Более 70% полагают, что Польша имеет большой потенциал роста производительности при относительно низкой стоимости труда.

Позитивная установка польских потребителей на увеличение покупок продовольственных товаров и бытовой химии — это, в частности, результат возрастающего оптимизма по отношению к экономической ситуации. Как заявляет на страницах газеты «Жечпосполита» Шимон Мордасевич, директор польского офиса компании-измерителя «Nielsen», средняя оценка отечественной рыночной ситуации гражданами Польши выше, чем в среднем по Европе. В принципе, можно говорить о возврате к показателям до кризиса 2007—2009 годов, — отмечает Мордасевич, добавляя, что, конечно, в Польше до реального кризиса не дошло, экономика не сбавила обороты, однако в настроении потребителей преобладали негативные эмоции, люди боялись кризиса, безработицы, а в результате часто воздерживались от покупок. Исследования фирмы «Nielsen» показывают, что сейчас 34% граждан чувствуют себя уверенно в отношении своей занятости. 40% опрошенных заявляют, что сейчас подходящее время, чтобы делать больше покупок, а 50% позитивно оценивают состояние своих финансов (в первом квартале прошлого года их было лишь 40%). Ш. Мордасевич делает вывод, что потребители хотят воспользоваться этой благоприятной ситуацией и намерены активно тратить свои деньги, а то, что на рынке они чувствуют себя уверенно, подтверждается ежедневным потребительским поведением.

На продовольственные товары поляки тратят все меньшую долю денежных доходов. Это хороший знак, свидетельствующий о том, что растет зажиточность общества, — пишут в «Газете wyborczej» Эдита Брыля и Анна Попёлек. Экономика становится все более развитой, и семьи извлекают из этого выгоду. Из последних данных Евростата, касающихся 2017 года, следует, что в настоящее время поляки расходуют на продукты питания лишь 18,4% дохода. Для сравнения: еще пятнадцать лет назад этот показатель составлял около 30%. По данным Евростата, больший процент дохода, чем поляки, тратят на продовольственные товары жители Болгарии, Эстонии, Хорватии, Венгрии и Румынии, где соответствующие расходы все еще находятся на уровне 30%, то есть как в Польше пятнадцать лет назад. На другом полюсе — Швейцария, жители которой на продукты питания отдают неполных 10% заработков. Лучше, чем в Польше, ситуация выглядит, в частности, в Австрии (11,4%), Ирландии (11,9%), Люксембурге (12%) и Германии (12,2%). Это, однако, не означает, что продукты питания в этих странах дешевле. Именно в богатых странах цена продовольственных товаров намного выше, чем в беднейших государствах Центральной Европы.

В текущем году теневой сектор польской экономики составлял 22,2% совокупного общественного продукта-брутто (это касается главным образом торговли, строительства, сельского хозяйства и сферы услуг), — пишет комментатор газеты «Жечпосполита» Анджей Стец и приводит подсчеты профессора университета в Линце Фридриха Шнайдера, который полагает, что в 2016 году теневой сектор в Польше значительно сузился. Отмечается наибольший спад с 2010 года. Это хорошая информация для государственных финансов, поскольку в бюджет поступает больше денег от налогов и разного типа выплат. Довольны могут быть также предприниматели, осуществляющие прозрачный, законопослушный бизнес, поскольку им проще будет конкурировать с фирмами, которые уклоняются от выплаты налогов или нелегально нанимают работников. Благодаря сокращению теневого сектора, в выигрыше оказывается также масса трудящихся, которые, работая легально, гарантируют себе будущие пенсии. А самое главное — это состояние рынка труда, поскольку нелегальная или полуофициальная занятость составляет значительную часть теневого сектора в Польше. Польский рынок труда все больше становится рынком работника, а это значит, что трудящиеся уже не столь охотно соглашались получать зарплату «в конверте».

Е.Р.

2: Хроника (некоторых) текущих событий

- «День 4 июня должен быть праздником Свободы. Правящие круги совершают ошибку, пытаясь замалчивать и принижать значение годовщины первых частично свободных выборов. 4 июня 1989 года — это дата основания свободной Польши. (...) Нас ждет дискуссия по самому главному вопросу: поддерживаешь ли ты внесение изменений в действующую конституцию? На самом же деле этот вопрос звучит: поддерживаешь ли ты конституцию ПИС? Конституционный референдум будет плебисцитом относительно продления срока полномочий правящей партии. (...) Анджея Дуду, как и остальных представителей ПИС, нельзя назвать сторонником либеральной демократии, одним из фундаментов которой выступает непреложность судебных решений. Дуда является выразителем точки зрения, согласно которой носителем суверенитета выступает народ, избирающий парламент, поэтому тот, кто обладает парламентским большинством, может по своему усмотрению преобразовывать государственное устройство. ПИС отрицает основы государственного устройства нынешней Польши, считая их посткоммунистическими. (...) ПИС пытается сломать позвоночник третьей власти, низвергнув ее. С точки зрения стабильности государства, это крайне рискованное поведение. ПИС создает альтернативную модель государственного устройства, которая не обязательно будет диктаторской», — проф. Антоний Дудек. («Жечпосполита», 6 июня)
- «Нынешняя конституция совершенно очевидно устарела. (...) Когда ее принимали, мы еще не состояли в НАТО и, что самое главное, не входили в состав ЕС. В конституции это положение дел вообще не отражено, а для польского суверенитета данные вопросы представляются фундаментальными — к примеру, вопросы соотношения польского законодательства и законодательства ЕС. Эти вопросы необходимо вынести именно на конституционный референдум, решив, какие тенденции станут определяющими в новом основном законе. Как вы понимаете, проект конституции будут готовить эксперты. Но готовить его они должны, опираясь на мнение общества», — президент Польши Анджей Дуда. («в Сети», 15-21 мая)
- Президент Республики Польша «имеет право вносить проект закона о внесении изменений в действующую конституцию в соответствии с предусмотренным в ней порядком, однако инициатива по проведению дебатов и руководство референдумом о полном изменении основного закона должны быть соответствующим образом прописаны в конституции. Вступая в должность президента Польши, глава государства торжественно поклялся сохранять верность конституции, которая обязывает его внимательно следить за соблюдением ее норм, а это совершенно исключает сомнение в их правильности. (...) Осуществление контроля за соблюдением конституции

на дает права инициировать глобальные изменения государственного устройства, пусть даже связанные с юбилейной датой, равно как и проводить референдум, направленный на нарушение действующего конституционного строя», — профессор Варшавского университета Рышард Петровский. («Жечпосполита», 9 мая)

- «Конституция 3 мая, которую мы так почитаем, вообще не вступила в силу и только ускорила раздел Польши. Мартовская конституция 1921 г. была фактически перечеркнута Майским переворотом, а апрельская конституция 1935 г. была недемократической. Следующая вообще была написана под редакцией Иосифа Сталина. У польских конституций не слишком счастливая история. А сейчас у нас есть основной закон, работающий вот уже двадцать лет — и работающий, как мне кажется, хорошо. Это первая и единственная принятая на общенациональном референдуме конституция. (...) Идею президента Дуды следует признать, мягко говоря, незрелой. И все потому, что в статье 235 конституции 1997 года предусмотрен абсолютно четкий порядок внесения изменений в основной закон: две трети голосов в Сейме, безусловное большинство в Сенате, референдум и так далее. (...) Президент, отлично понимающий, что уже неоднократно нарушал конституционные принципы, хочет поменять конституцию, поскольку тогда привлечь эту власть за нарушение конституции, которой нет, будет не легче, чем прыгнуть выше головы», — Александр Квасневский, бывший президент Польши, занимавший эту должность два срока подряд. («Пшеглэнд», 15-21 мая)

- «Правящие круги постоянно ссылаются на носителя суверенитета, а этот носитель суверенитета, поддерживающий нынешнее правительство, это всего лишь 35% поляков. А может быть и меньше. (...) Вскоре в каждом городке должен будет стоять памятник Леху Качинскому, как в Советском Союзе — памятник Сталину. (...) Пусть тогда уж в каждом доме будет висеть портрет Леха Качинского, перед которым придется бить поклоны, как в Северной Корее. (...) Правящей партии нужны такие конституционные нормы, которые бы санкционировали все те нарушения, которым подверглась нынешняя конституция. А таких нарушений было много», — епископ Тадеуш Перонек, бывший Генеральный секретарь Епископата Польши. («Жечпосполита», 18 мая)

- «64% опрошенных считают президента Анджея Дуду несамостоятельным политиком — таковы результаты опроса, проведенного Институтом рыночных и социологических исследований 11–12 мая. Противоположного мнения придерживаются 33% респондентов». 55% участников опроса негативно оценивают деятельность президента в качестве верховного главнокомандующего, а 34% относятся к ней позитивно. Инициативу Анджея Дуды по организации референдума об изменении конституции негативно оценивают 50% респондентов, 37% поддерживают ее. («Жечпосполита», 17 мая)

- «После встречи с президентом Франции Дуда заявил: “Есть сложные вопросы, и господин президент Макрон сказал, что есть сложные вопросы, и это меня очень порадовало, потому что я ведь тоже понимаю, что есть сложные вопросы, как сказал когда-то поэт, «обидам счет не подвели мы» (строка из стихотворения Владислава Броневского “Примкнуть штыки” в переводе Марка Живова — примеч. пер.), так что да, есть сложные вопросы, и много разного было сказано”». («Тыгодник повшехны», 4 июня)

- «История с вертолетами “Каракал” не только ударила по экономическим интересам Франции, но и существенно осложнила возможность подключения Польши к сотрудничеству в области производства вооружения в Европе. (...) Были и промахи репутационного характера, что для французов имеет важное значение — к примеру, высказывание министра Мацеревича о продаже русским кораблей “Мистраль” за один доллар, презрительный отзыв премьер-министра Шидло о низкой личной популярности Олланда, а также то, что министр Вашиковский оказался единственным главой внешнеполитического ведомства в ЕС, сфотографировавшимся с Ле Пен. А недавно Вашиковский побил, наверное, все возможные рекорды по невоспитанности, заявив, что Макрону придется приехать в Польшу, чтобы объясниться по поводу своих высказываний в ходе избирательной кампании. (...) Методы наших дипломатов сводятся в основном к колкостям и оскорблениям в адрес партнеров, что приводит лишь к нашей изоляции», — Ян Мария Новак, многолетний посол в ряде стран, в том числе в Испании и при НАТО в Брюсселе, вице-президент Евроатлантического общества. («Газета wyborcza», 12 мая)

- «Визит в Варшаву президента Германии Франка-Вальтера Штайнмайера и его супруги Эльке Бюденбендер носил отчасти церемониальный характер. (...) Президент Анджей Дуда (...), отвечая на вопрос журналистов относительно перемещения беженцев в рамках границ ЕС, пустился в объяснения: “Кто хочет и кому это нужно, может приехать в Польшу, кто хочет и кому это нужно, получит в Польше необходимую помощь, но я надеюсь, что никого не станут привозить в Польшу насильно, да и мы не станем никого здесь силой удерживать. Не могу себе представить, чтобы мы кого-либо держали здесь против его воли”. Штайнмайер парировал: “Мне кажется Вы, господин президент, должны понимать всю нереалистичность этого сценария. Я не знаю никого в Европе, кто бы мог предложить нечто подобное”». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 20-21 мая)

- «Димитрис Аврамопулос, европейский комиссар по внутренним делам и миграции, предупредил, что если в течение месяца Польша и Венгрия не приступят к приему беженцев, Европейская комиссия начнет официальную процедуру о нарушении законодательства ЕС». (из Брюсселя Анна Словеская, «Жечпосполита», 22 мая)

- «“Польша не будет принимать беженцев. Мы не согласимся на то, чтобы Польше и другим странам, состоящим в ЕС, навязывались какие-либо квоты”, — заявила премьер-министр Беата Шидло». («Газета wyborcza», 18 мая)

- «Качинский воспротивился попыткам навязать Польше нормы, касающиеся решения миграционного кризиса.

По его мнению, “нам пришлось бы полностью поменять нашу культуру и радикально снизить уровень безопасности страны. (...) Если бы мы решили остановить волну агрессии со стороны мигрантов, хотя бы по отношению к женщинам, нам пришлось бы пойти на репрессии. А применив репрессивные меры, мы сразу бы стали в глазах других нацистами”, — заявил он». (Ян Пшемьский, Александр Клос, «Газета Польска подзенне», 22 мая)

- «Поляков запугали беженцами. Людям внушили, что беженцы разносят заразу, что они станут отбирать у поляков работу, убивать нас, и Польша станет опасной для жизни страной. (...) Не принимать беженцев — это практически то же самое, что отказываться быть христианином. (...) Семь тысяч беженцев — это капля в море. (...) Католическая Церковь готова принять беженцев. Готовы приходы и епархиальные дома, а также люди, обслуживающие эти объекты. Мы хотим организовывать гуманитарные коридоры. Международные отношения регулируются обязательными для всех нормами. Будучи в ЕС, Польша обязалась соблюдать эти нормы. Мы согласились не только на те выгоды, которые сулит нам членство в ЕС, но и на обязательное участие в решении различных человеческих проблем. (...) Что-то скверное происходит в нашей стране», — епископ Тадеуш Перонек, бывший Генеральный секретарь Епископата Польши. («Жечпосполита», 18 мая)

- «Сотрудники Института общественных отношений спросили у молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет (...): “Должна ли твоя страна обеспечить пристанище беженцам из охваченных войной стран, а также жертвам политических преследований?”. Большинство молодых поляков, равно как венгров, словаков и чехов, оказались против (70-75%). (...) Немцы и австрийцы, наоборот, в большинстве своем ответили на этот вопрос утвердительно (немцы — 73%, австрийцы — 61%). Да, те самые немцы, которые в 2015 и 2016 годах приняли два миллиона иностранцев, а за один только прошлый год стали жертвой нескольких терактов. Они говорили, что беженцев нужно принимать». (Анджей Андрысяк, «Дзенник газета правна», 19-21 мая)

- «В марте организация “Human Right Watch” опубликовала отчет о том, как польская Пограничная служба систематически отказывает беженцам в праве ходатайствовать о предоставлении им убежища и отправляет их обратно в Беларусь. Это нарушение обязательств Польши, предусмотренных законодательством ЕС и нормами, регулирующими права человека и статус беженцев. Именно такие опасения высказывают польский уполномоченный по правам человека, а также польские и белорусские правозащитные организации. (...) В Бресте, после короткой беседы с сотрудником Пограничной службы, людям по-прежнему отказывают во въезде в Польшу. (...) Пограничники сами решают, кто может обратиться с ходатайством о предоставлении ему убежища. (...) Многим заявителям так и не удается ни разу встретиться с представителями Департамента по делам иностранцев — структуры, которая в соответствии с польским законодательством рассматривает ходатайства о предоставлении убежища», — Лидия Галль. («Жечпосполита», 22 мая)

- «Депортации в Польшу из стран Западной Европы ждут почти 16 тыс. человек, прибывших из-за пределов ЕС и обращавшихся за предоставлением им убежища в Польше. (...) Большинство из них — это чеченцы, которые, не дожидаясь решения о предоставлении им международной защиты, бежали на Запад, в основном в Германию, (...) где они могли рассчитывать на более серьезную поддержку со стороны государства. (...) В прошлом году немцы отправили нам 895 человек. Всего из стран Западной Европы было депортировано 1408 человек». (Изабела Кацпшак, «Жечпосполита», 2 июня)

- «Представители немецких общественных организаций, занимающихся проблемами беженцев, посетили Польшу. (...) Побывали на пограничном переходе в Тереспеле, побеседовали с жителями центра для иностранцев в Бяла-Подляске, встретились также с чеченцами, по сути, бомжующими в белорусском Бресте. (...) Немецкие общественники были шокированы. (...) “Я не ожидал, что Европа закрывает свои границы таким вот образом”, — говорит пастор Бернارد Фрицке из организации “Asylum in Church”. (...) Шансов остаться в Германии у чеченцев немного. Если ходатайство о признании статуса беженца подавалось в Польше, им придется смириться со своей депортацией. (...) Представители немецких общественных организаций считают, что в контексте того, что они увидели в Польше, отправка беглецов обратно не соответствует закону. “Все процедуры, связанные с передачей лиц, ходатайствовавших о статусе беженцев, в Польшу, должны быть немедленно приостановлены, поскольку многие из тех, кто возвращается, в том числе дети, содержатся под замком (...)”, — говорит Доро Браух из берлинской организации “XENION” (...). А пастор Фрицке добавляет: “В Германии заключение детей под стражу в такой ситуации недопустимо. Оно противоречит международной конвенции о правах ребенка. Директор центра для беженцев под эгидой организацией «Diakonisches Werk Potsdam» Нина Шмитц признается, что только в Польше поняла, почему чеченцы так боятся, что их депортируют из Германии в Польшу». (Людмила Ананникова, «Газета wyborcza», 6 июня)

- «В Польше другое отношение к миграции, чем во всей остальной Европе, здесь есть проблемы в сфере законности, поэтому Европейская комиссия и возбудила соответствующую процедуру. А тут еще и недавняя история с избранием Туска на второй срок полномочий председателя Европейского совета. Все это ослабляет Польшу, дополнительно расширяя сферу влияния Испании в четверке стран, стремящихся к более глубокой интеграции», — говорит Сальвадор Лландес, эксперт Королевского института «Элькано» в Мадриде. (из Брюсселя Анна Словеская, «Жечпосполита», 31 мая)

- «В ходе состоявшихся во вторник в Брюсселе дебатов министров относительно ситуации в Польше, позицию Европейской комиссии решительно поддержали 17 стран. Несколько стран сохранили нейтралитет, а Венгрия

выступила в нашу защиту. Еще пять государств не взяли слова. (...) Франс Тиммерманс впервые в контексте разговора о Польше употребил выражение “кризис законности”. (...) Он говорил не только о ситуации вокруг Конституционного трибунала, но и о реформе Национального совета правосудия. Впервые министры занялись проблемой нарушения законности в конкретной стране. Это прецедент. (...) Атмосфера вокруг Польши действительно создается негативная. Франсу Тиммермансу наконец-то удалось заручиться поддержкой большинства стран европейского содружества». (из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 17 мая)

• «Качинский и Орбан могут строить свою нелиберальную или антилиберальную авторитарную демократию. Они имеют на это полное право, но в таком случае им нечего делать в европейском Содружестве. Они говорят: нам нужны европейские деньги, но не нужны ваши ценности, ваша либеральная демократия и верховенство закона. Но так не получится. (...) Объединенная Европа — это не ресторан, где можно выбирать блюда по своему вкусу. (...) Либо мы согласны жить в объединенной Европе, либо нет. И пусть в ней тогда остаются те, кто хочет. (...) И польское общественное мнение должно определиться с тем, чего оно хочет. (...) Разговор о применении ст. 7 договора о ЕС, регулирующей принуждение государства-члена к соблюдению законности, рано или поздно состоится. Все зависит от развития ситуации в Польше. (...) Качинский и Орбан не признают компромиссов. Если бы все было так, как они хотят, объединенной Европе пришел бы конец», — Даниэль Кон-Бендит, депутат Европарламента. («Газета wyborcza», 13-14 мая)

• «Невозможно, чтобы ЕС сейчас применил какие-либо санкции, о которых говорят некоторые политики», — премьер-министр Беата Шидло. («Супер-экспресс», 20-21 мая)

• «Европа отдаляется от Польши с небывалой скоростью. Этому благоприятствует (...) стремление стран, входящих в сферу евро, к дальнейшим переменам. (...) С 1 апреля этого года действует лиссабонская, а не ниццкая система голосования (...) (чтобы решение было принято, необходимо согласие 55% государств-членов, которые представляют в общей сложности 65% населения ЕС). Вся сфера евро составляет более 75% населения ЕС, и это наглядно демонстрирует, какой силой будет обладать данный блок на голосовании ЕС. (...) Интеграционные процессы, в которых Польша не принимает активного участия, простираются намного дальше обычного управления экономикой. (...) Сегодня только 8 стран, состоящих в ЕС, не используют единой европейской валюты. (...) ЕС, хотим мы того или нет, эволюционирует в направлении модели сообщества, опирающегося прежде всего на общую валюту». (Збигнев Парафянович, «Дзенник газета правна», 25 мая)

• «Польша, вступая в сферу евро, сразу оказывается в сердцевине европейской интеграции. (...) Если можно находиться в центре процесса, к чему обрекать себя на прозябание на его периферии? Ведь на периферии жизнь идет медленнее, беднее, хуже. ПИС наверняка этого не хочет, однако отказ от евро может привести именно к такому развитию событий. (...) В условиях неотвратимой глобализации переход Польши на евро и даже всего лишь декларация о соответствующих намерениях укрепили бы ЕС в его внешней конкуренции, особенно с США и Китаем. Это и есть наш путь», — проф. Гжегож В. Колодко, член Европейской академии науки, искусства и литературы, бывший вице-премьер и министр финансов. («Жечпосполита», 10 мая)

• «Членство в сфере евро — это не только возможность избежать политической и экономической периферизации страны и шанс на более уверенное закрепление достижений трансформации. Это прежде всего возможность снизить риск выхода Польши из ЕС в результате деятельности нынешних властей», — проф. Анджей Войтына, бывший член Совета денежной политики. («Жечпосполита», 6 июня)

• «Оставаясь в оппозиции ко всему Евросоюзу (...), мы автоматически оказываемся вне сообщества. (...) По крайней мере, некоторые политики правящей партии должны отдавать себе отчет в истинных причинах усиливающейся изоляции Польши. Единственное рациональное объяснение такой позиции — это подготовка общества к выходу из ЕС. Если Евросоюз начнет процесс углубления интеграции без Польши, это будет только на руку нынешней власти. ПИС начнет повторять: мы им не нужны; мы ведь не можем отказаться от нашего суверенитета и сарматского своеобразия. Предпринятая президентом Дудой попытка начать манипуляции с основным законом — это маневр, готовящий почву для новой конституции, в которой не будет и речи об участии Польши в обновленном ЕС. (...) Продолжение нынешнего курса Польши в отношении Евросоюза будет означать одно: готовность пожертвовать интересами Польши и поляков ради утверждения абсолютной и бессрочной власти правящего лагеря», — проф. Роман Кузьняр. («Жечпосполита», 2 июня)

• «Вчера в Сейме премьер-министр Беата Шидло на повышенных тонах заявила: “Мы не будем участвовать в безумии брюссельских элит”». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 25 мая)

• «Мы заинтересованы в конкретизации сотрудничества с Китаем. (...) Скоро состоится моя встреча с председателем Си Цзиньпином и премьер-министром Китая. (...) Вместе со мной в Китай едут руководители различных министерств и их заместители. (...) Сфера евро не была бы для нас хорошим решением. (...) Польша сегодня к этому не готова, и нашей экономике такой шаг пользы бы не принес. (...) Сфера евро сейчас находится в глубоком кризисе. Нет никаких оснований вступать в клуб, у которого имеются проблемы. (...) На следующей неделе на совете по общим вопросам господин Тиммерманс собирается затронуть вопросы, касающиеся состояния законности в Польше. (...) Состояние законности в Польше можно назвать идеальным. (...) Членство в ЕС очень выгодно для Польши», — премьер-министр Беата Шидло. («Жечпосполита», 11 мая)

• «По данным Главного управления статистики, с января по октябрь 2016 г. торговый оборот между Китаем и Польшей составил почти 21,3 млн долларов (и вырос на 4% по сравнению с предыдущим годом). (...) Стоимость

нашего импорта продуктов из Китая в 12 раз превышает польский экспорт в Китай. Импортом из Китая занимается около 24 тыс. польских фирм, а экспортом из Польши в Китай — 2,5 тысячи». (Конрад Майщик, «Дзенник газета правна», 11 мая)

- «Европейский экономический конгресс в Катовице — это крупнейшая в Польше встреча представителей бизнеса. (...) Вице-премьер Матеуш Моравецкий и его подчиненные рассказывали о том, как польская экономика совершила самый настоящий рывок благодаря “Стратегии на благо достойного развития”, а министр энергетики Кшиштоф Тхужевский и его заместители сообщили присутствующим о польской энергетической революции. Суть ее, по их словам, сводится к одному: уголь, уголь и еще раз уголь. А также государственная монополия в области энергетики. (...) Уголь — вот фундамент польской экономики, а современные технологии возобновляемой энергии — это пустая трата времени. Тхужевский объяснил, что глобальное потепление — миф, а углекислый газ, с которым борется Евросоюз, жизненно необходим деревьям. А поскольку у нас много лесов, нам нужно много углекислого газа. Слушая все это, Марос Шефцович, еврокомиссар по вопросам энергетического союза, не мог скрыть своего изумления». (Адам Гжешак, «Политика», 17-23 мая)
- «Европейская комиссия представила экономические прогнозы для ЕС. В Польше ВВП в этом году вырастет на 3,5%, а в 2018 г. — на 3,2%. По скорости роста это шестое место в ЕС. (...) Главным фактором роста остается частное потребление, подхлестываемое реальным ростом зарплат и социальных выплат». (из Брюсселя Анна Словеская, «Жечпосполита», 12 мая)
- «Международный валютный фонд очень положительно отзывается о состоянии нашей экономики. “Экономический рост сохранился на прежнем, весьма солидном уровне 2,7% в 2016 г., а благодаря росту потребления и выросшим государственным инвестициям, приумножаемым за счет фондов ЕС, в 2017 г. должен достичь 3,6%”, говорится в пресс-релизе МВФ». (Анна Попёлек, «Газета wyborcza», 19 мая)
- «Зарубежные фирмы в прошлом году объявили об инвестиционных проектах общей стоимостью 9,9 млрд долларов (38 млрд злотых). По этому показателю Польша заняла пятое место в Европе. (...) Еще большим ростом стоимости объявленных зарубежных инвестиций может похвастаться только Венгрия. Таковы данные опубликованного в понедельник отчета “fDiIntelligence”, аналитического отдела “Financial Times”». (Гжегож Семёнчик, «Жечпосполита», 15 мая)
- «Уровень безработицы снова падает: по данным Главного управления статистики, в апреле он составлял 7,7%, а согласно опубликованным в четверг данным “Исследования экономической активности населения” — всего 5,4%. (...) Более 85% безработных не имеют права на получение пособия». («Газета wyborcza», 26 мая)
- «С 1990 года объем продажи сигарет начал снижаться. На сегодняшний день он упал на 60%! Пик злокачественных заболеваний легких позади». («Польска», 19-21 мая)
- «Еще никогда поляки не давали такую лестную оценку собственному финансовому состоянию, как сейчас. (...) Согласно последнему индексу потребительского доверия, опубликованному Главным управлением статистики, впервые за последние как минимум 20 лет в Польше оказалось больше оптимистов, чем пессимистов. (...) 42% респондентов, опрошенных ЦИОМом, позитивно оценивают экономическую ситуацию в стране, и только 15% считают ее неблагоприятной. Первый из этих двух показателей после 1989 г. никогда не был выше, второй никогда не был ниже». («Жечпосполита», 25 мая)
- «Доминика Кульчик и ее брат Себастьян хотели бы, чтобы пожертвованные ими 100 млн злотых помогли справиться с ситуацией недоедания и плохого состояния здоровья самых бедных поляков. Частью этих денег будет распоряжаться действующий уже четыре года семейный фонд “Kulczyk Foundation” — в течение ближайших месяцев он выберет несколько общественных организаций и фондов, наиболее успешно занимающихся помощью бедным и обездоленным людям. (...) За последние четыре года посредством “Kulczyk Foundation” Доминика и Себастьян Кульчики ежегодно расходовали на благотворительные цели 20 млн злотых. (...) Умерший в 2015 г. Ян Кульчик потратил на поддержку различных общественных проектов и благотворительную деятельность в общей сложности 500 млн злотых». («Жечпосполита», 23 мая)
- «Дефицит в правительственных институтах, за финансирование которых отвечает вице-премьер Моравецкий, вырос с 39,8 млрд злотых (2,2% ВВП) в 2015 г. до 48,2 млрд злотых (2,6% ВВП) в 2016 году. Этот значительный рост дефицита произошел несмотря на сокращение правительственных инвестиций на 0,3% ВВП (то есть почти на 10%), а другие расходы, например, на закупку вооружения, на 0,1% ВВП. Зато его амортизировали муниципалитеты, которые в 2015 г. “вышли в ноль”, а в 2016 г. выработали излишек — порядка 5 млрд злотых, то есть 0,2% ВВП. (...) Правда, этот излишек может быть связан с постоянными проверками деятельности органов местного самоуправления, проводимыми различными структурами типа ЦАБ (Центральное антикоррупционное бюро — примеч. пер.), курируемыми ПИС. Беспрецедентная активность этих служб стала причиной ограничения инвестиций муниципалитетов на 0,8% ВВП. (...) Государственный долг вырос с 51,1% ВВП в 2015 г. до 54,4% ВВП в 2016 г., а в текущем году (...) должен снова увеличиться до 55,3% ВВП. Его уровень будет почти на 2,8% ВВП выше, чем предполагало министерство финансов», — проф. Анджей Жоньца. («Жечпосполита», 15 мая)
- «Ситуация в Беловежской пуще. Министерство окружающей среды утверждает, что продолжается ее “восстановление”, в то время как экологические организации считают происходящее уничтожением уникальной части леса, поскольку там проводится вырубка деревьев, в том числе и с использованием тяжелого

оборудования. В Пущу из других регионов привезены так наз. харвестеры — лесозаготовительные комбайны, способные вырубать огромные участки леса. (...) Патрули “Гринпис” и фонда “Первозданная Польша” приводят доказательства, что масштаб вырубки Пущи увеличился — об этом на вчерашней пресс-конференции нескольких экологических организаций говорил представитель фонда “Первозданная Польша” Давид Казмерчак. На территории трех беловежских надлесничеств в этом году были вырублены тысячи деревьев в древостоях, насчитывающих более ста лет. (...) Древесина вывозится и продается. Вырубка проводится также на участках, находящихся под защитой ЮНЕСКО (Беловежская пуца внесена в список мирового наследия ЮНЕСКО)». (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 24 мая)

- «Набирает обороты акция протеста против вырубки деревьев в Беловежской пуце. Вчера на территории надлесничества Бровск более десятка экологов из “Гринписа” блокировали машины для вырубки и погрузки деревьев. (...) Вырубка проводится вопреки призыву Европейской комиссии немедленно прекратить уничтожение леса». («Газета wyborcza», 31 мая)

- «Во вторник судьи Верховного суда (ВС) собрались на чрезвычайное заседание Общего собрания судей ВС. Обсуждалась ситуация правосудия в Польше, была принята резолюция. (...) За ее принятие проголосовал 71 судья ВС, один воздержался, голосующих против не было. ВС состоит из 85 судей, так что присутствовало большинство судейского корпуса ВС. (...) “Действия властей ведут к разрушению системы правосудия, что ослабляет польскую государственность, — пишут судьи. (...) — Мы не можем равнодушно смотреть на открытое нарушение конституционных принципов и норм”. (...) Судьи подчеркнули, что они солидарны с постановлениями Национального совета правосудия, объединяющего всех польских судей и судейские сообщества». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 17 мая)

- «Идея власть предрежащих заключается в том, чтобы убрать на вторые роли либо вообще уволить тех судей, у которых есть внутренний стержень. Примером может служить история одной несчастной судьи, которая не назначила арест в отношении Юзефа Пинёра и была якобы в наказание отправлена рассматривать дела исключительно гражданского и экономического толка. Все то же самое происходило в ПНР: если судья выносил приговор, не устраивающий власти, его отстраняли от рассмотрения серьезных дел. Когда великий судья Кульчицкий не вынес смертного приговора в ходе рассмотрения дела о так наз. “кожаном скандале”, его отстранили от рассмотрения уголовных преступлений и сослали в суд социальных страхований. (...) Мы живем во времена, которые не дают нам особенных поводов для улыбок», — Яцек Кондрацкий, адвокат. («Польска», 2-4 июня)

- «Свою позицию по поводу права помилования, использованного президентом Анджеем Дудой в отношении Мариуша Каминского, высказал в среду Верховный суд. Он принял соответствующее постановление, указав в нем, что нельзя помиловать лицо, которое не было должным образом осуждено. Если же помилование состоялось, то оно неправомерно. Суд аргументировал это тем, что президент не может вмешиваться в деятельность органов правосудия. (...) Каминский вновь предстанет перед Окружным судом в Варшаве (кассационная инстанция) в качестве обвиняемого, который был осужден неправомерно. (...) По мнению Павла Мухи, министра в канцелярии президента, координатор спецслужб Мариуш Каминский продолжает оставаться помилованной особой. Верховный суд, считает Муха, превысил свои полномочия, а сам Каминский может продолжать исполнять обязанности координатора спецслужб». («Жечпосполита», 1 июня)

- «Два года назад Мариуш Каминский был осужден за нарушения, совершенные им в то время, когда он руководил Центральным антикоррупционным бюро и преследовал Анджея Леппера, председателя партии “Самооборона”, депутата Сейма, вице-премьера и министра сельского хозяйства». В 2011 году Анджей Леппер покончил с собой. («Газета wyborcza», 1 июня)

- «Верховный суд обозначил свою позицию по поводу высказываний политиков ПИС и чиновников канцелярии президента, повторяющих, что суд “превысил свои полномочия” и “вторгся в прерогативы президента”. “Такие высказывания нарушают основы правового государства, а Верховный суд не только имеет право, но и обязан заниматься толкованием норм права, в том числе основного закона”, — говорится в заявлении Верховного суда. ВС также добавил, что его резолюция “не вмешивается в осуществление президентом права помилования”, но лишь указывает, что “(...) применение права помилования до вступления приговора в законную силу не влечет юридических последствий”». («Газета wyborcza», 3-4 июня)

- «В Конгрессе польских юристов приняло участие 1,5 тысячи человек. (...) Конгресс польских юристов — это первая подобная совместная инициатива трех юридических сообществ: судей, адвокатов и юрисконсультов. Юристы решили создать общественную кодификационную комиссию, которая представит свои предложения относительно реформы судебной системы. В состав комиссии войдут как ученые, так и практики. (...) Юристы верят, что власть прислушается к их предложениям. (...) Важнейший вопрос, о котором неоднократно заходила речь в ходе конгресса в Катовице — это сохранение независимости судебной системы и судей». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 22 мая)

- «Юридические круги решили, что не могут молчать, когда под угрозу поставлена независимость судов и всего судейского корпуса. (...) “Уничтожение судебной системы приведет к анархии в общественно-политической жизни”, — говорит Яцек Фреля, председатель Высшего адвокатского совета. Участники конгресса стоя аплодировали первому председателю Верховного суда Малгожате Герсдорф и вице-президенту

Конституционного трибунала Станиславу Бернату. (...) Драматическими нотками было наполнено выступление бывшего первого председателя Верховного суда Адама Стжембоша: “Судьи, главы судов, председатели судебных коллегий... неужели ими будет управлять исполнительная власть? Такого не было даже в ПНР”, — предостерегал он». (Тереза Серник, «Польска», 22 мая)

• «Когда зачитывалось письмо президента, в котором глава государства указывал судьям, что те не должны оценивать деятельность других органов власти и выступать в качестве стороны дискуссии, (...) участники конгресса зашумели и с криками “Конституция!” начали поднимать над головами экземпляры основного закона. (...) Во время выступления вице-министра юстиции Мартина Вархола, заявившего, что судебному корпусу не удалось расстаться с коммунистическим прошлым, (...) большинство собравшихся просто покинули зал и вернулись уже после окончания речи вице-министра». (Малгожата Крышкевич, Анна Кжижановская, «Дзенник газета правна», 22 мая)

• «Доказательства, добытые спецслужбами с превышением пределов провокации, недопустимы в уголовном процессе, решил Апелляционный суд Вроцлава. (...) Когда Сейм в 2016 г. по инициативе министра юстиции Збигнева Зебро изменил некоторые уголовно-процессуальные нормы, казалось, что путь к легитимизации доказательств, являющихся, как говорят юристы, “плодами отравленного дерева”, теперь открыт. Однако суд не оставил на этих нововведениях камня на камне, выразив сомнение в их конституционности. (...) Вице-министр юстиции Мартин Вархол (...) считает, что суд, отказавшись применять данный закон и ссылаясь при этом непосредственно на конституцию, превысил свои полномочия». (Эва Иванова, «Жеспосполита», 7 июня)

• «51% поляков не поддерживают подготовленный правительством проект изменений в судебной системе. Поддерживают его 31% респондентов, а 18% не смогли определиться с ответом. Опрос Института рыночных и социологических исследований. («Жечпосполита», 1 июня)

• «В последние несколько месяцев полиция демонстрирует довольно жесткое отношение к тем, кто публично выражает свой протест относительно действий нынешней власти. Допрошено более сотни человек, протестовавших у здания Сейма в ночь с 16 на 17 декабря 2016 года. Некоторым из них предъявлены обвинения. (...) В комиссариаты вызваны лица, входившие во двор Сейма и разворачивавшие там транспаранты и государственные флаги. (...) В Кракове допрошены участники организуемых 18-го числа каждого месяца демонстраций против Ярослава Качинского, приезжающего на могилу своего брата и невестки. В Варшаве юридические последствия наступают главным образом для людей, связанных с неформальным Движением граждан Республики Польша и ассоциацией “Объединенные солидарной акцией” (ОСА). (...) В общей сложности меры применены в отношении как минимум нескольких сотен человек, (...) при этом полиция продолжает ужесточать свою линию поведения». (Петр Пытлаковский, «Политика», 17-23 мая)

• «Эва Копач вчера была допрошена в Национальной прокуратуре в качестве свидетеля по делу о непроведении вскрытия жертв смоленской катастрофы. (...) Допрос Копач продолжался четыре часа. О его подробностях бывшая премьер-министр говорить отказалась. “В конце нашего разговора прокурор проинформировал меня, что в соответствии со ст. 241 уголовного кодекса я не имею права распространяться о заданных мне вопросах и ходе беседы”, — объяснила Копач». (Анна Попёлек, «Газета wyborcza», 1 июня)

• «В течение первых трех месяцев этого года работу потеряли 1912 сотрудников полиции. Если такая тенденция сохранится, до декабря будет уволено в два раза больше полицейских, чем в 2016 г. (тогда работу потеряли почти 4 тыс. человек). (...) “Из полиции изгоняют наиболее опытных полицейских, начинавших работу до 1990 года”, — рассказывает Рафал Янковский, председатель Главного правления Независимого профсоюза полицейских. (...) Ситуацией массовых увольнений полицейских занялся Уполномоченный по правам человека и гражданина». (Божена Викторовска, «Дзенник газета правна», 11 мая)

• «Некоторые СМИ пытаются сделать из группы генералов касту врагов государства. Началось с разговоров о том, что это привилегированная каста. Теперь же до меня доходят слухи, что несколько польских генералов хотят совершить военный переворот. Так поляков натравливают на военных. (...) Я знаю, что мы мешаем политикам, (...) поскольку открыто критикуем ситуацию в армии. (...) Американцы также довольно сдержанно относятся к тому, что происходит сегодня в польских вооруженных силах. Они видят, что бывшие командиры бригад и дивизий, с которыми они сотрудничали в Ираке и Афганистане, исчезли, покинули ряды вооруженных сил. А ведь именно эти командиры, (...) именно мы показывали, что являемся лучшими представителями польского государства. (...) Мы доказали миру, что польский солдат — это хороший солдат. Сегодня же полякам пытаются внушить нечто противоположное. (...) В американской и европейской армиях служат умные люди, они знают, кто есть кто, и умеют дать этому соответствующую оценку», — генерал Вальдемар Схшипчак, командующий польскими сухопутными силами в 2006-09 гг., командующий многонациональной дивизии «Центр — Юг» в Ираке. («Дзенник газета правна», 19-21 мая)

• «Девальвация знаний и компетенции, на которую обрек нашу армию министр национальной обороны — это одна из причин, по которой я не могу молчать. Я прослужил в армии более сорока лет и еще никогда не видел ее в таком чудовищном состоянии. (...) Происходит ничем не объяснимая чистка среди лучших офицеров. Процесс модернизации практически остановлен. Ослабляется потенциал войск оперативного реагирования, за счет которых создается Территориальная оборона... (...) Мы уже были в двух шагах от создания здоровой, сильной армии. Кадры постоянно совершенствовались, получали опыт в ходе зарубежных миссий. Мы наконец-то начали

реализовывать программу модернизации и буквально в последний момент этот процесс пошел вспять. (...) Я всегда служил Польше. Учился не только у нас, но и в США, окончил также курсы в Великобритании и Бельгии. Получаемые знания были нужны мне, чтобы лучше служить Польше. И сегодня, также желая блага нашей стране, я говорю о том, что, по моему мнению, идет не так, поскольку считаю это своей обязанностью», — генерал Мечислав Ценюх, бывший начальник Генерального штаба, бывший посол Польши в Турции. («Политика», 17-23 мая)

- «Воевода Западно-Поморского воеводства направил старостам, бурмистрам и мэрам городов письмо с просьбой передать ему информацию относительно “иностранцев, имеющих польское гражданство, а также имеющих гражданство других стран и разрешение на пребывание в Польше”. (...) Воевода (...) действовал, исходя из рекомендаций министерства национальной обороны. (...) В связи с этим депутаты “Гражданской платформы” (...) направили запрос премьер-министру Беате Шидло. “С изумлением мы узнали о создании реестров польских граждан нетитульных национальностей. (...) Создание подобных реестров, по нашему мнению, не соответствует Конституции”, — написали депутаты». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 30 мая)

- «Для делегализации Национально-радикального лагеря сегодня нет никаких оснований, даже если кому-то очень не по душе родословная этой организации. В декларации этой организации нет ничего, что могло бы обосновать такой шаг». (Лукаш Важеха, «До жечи», 8-14 мая)

- «В Хващино под Труймястом поляки напали на дом, в котором живут украинцы (десять рабочих, две женщины и двое детей). Били, бросались бутылками, кричали “Вон на Украину!” и “Польша для поляков!”. Хозяин фирмы пытался защитить рабочих и был избит». («Газета wyborcza», 1 июня)

- «Институт национальной памяти запланировал на этот год проведение поисковых и эксгумационных работ в трех населенных пунктах Украины. (...) Однако выезд команды поисковиков был отменен. (...) Причиной ужесточения позиции украинской стороны по поводу поисковых работ стали события, связанные с демонтажем в конце апреля в подкарпатской Хрушовице памятника в честь УПА. (...) Разрушение памятника было расценено украинским МИДом как провокация, а Украинский институт национальной памяти заявил, что события в Хрушовице — это очередная “акция насилия над местом памяти украинского народа в Польше”». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 1 июня)

- В Житомире «в открытии мемориальной доски на улице Леха Качинского (...) приняли участие министр в канцелярии президента Республики Польша Адам Квятковский, вице-маршал Сейма Рышард Терлецкий и вице-премьер Украины Геннадий Зубко. “Памяти Леха Качинского, президента Республики Польша, друга Украины”, — гласит надпись на мемориальной доске». (Конрад Высоцкий, «Газета Польска цодзенне», 22 мая)

- Поддержка партий: «Право и справедливость» — 33,5%, «Гражданская платформа» — 26,1%, Кукиз'15 — 14,1%, «Современная» — 7,9%, Союз демократических левых сил — 6,1%, крестьянская партия ПСЛ — 4,1%, «Вместе» — 2,5%, не определились с симпатиями — 4,3%. О своем участии в выборах заявили 42,9% респондентов. Опрос Института рыночных и социологических исследований от 25 мая. («Жечпосполита», 29 мая)

- «Польша расколота. На одной стороне — падкий на популизм, антилиберальный электорат, которым управляет ПИС. На другой — конгломерат различных социальных групп, которым не нравится то, что предлагает ПИС. (...) Польша расколота надвое. Есть большие города — и есть провинция. Есть образованные люди и люди малообразованные. В Польше нет политической традиции и нет политической культуры, а общественные институты слабы, и поэтому популистские заявления попадают на благодатную почву. (...) Проведенные два-три года назад опросы относительно приема беженцев показывали, что 70% респондентов не видели для этого никаких противопоказаний. Сегодня же 70% высказываются против. Перед нами все тот же кратковременный пропагандистский эффект. (...) Нашим политикам чуждо понятие моральной ответственности. (...) Всем политическим группам, от крайне правых до леваков, свойственен сугубо технологический подход к политике, когда важна только техника борьбы за голоса сторонников. (...) У польской государственности нет какой-либо системы ценностей. Существует только одна ценность — выиграть ближайшую схватку. (...) Вышесказанное распространяется и на католическую Церковь. Этическая и моральная схоластика служит там заслоном от действительности», — Тадеуш Бартось, бывший доминиканец. («Пшеглэнд», 29 мая – 4 июня)

- «Созданный в конце 90-х годов Правительственный центр стратегических исследований обладал статусом министерства и готовил аналитические материалы, а также занимался долгосрочным прогнозированием. А ведь это самая важная вещь в государстве, его глаза и уши. В 2005 году премьер-министр Марцинкевич ликвидировал этот институт в рамках концепции “дешевого государства”. (...) На его месте ничего так и не возникло. (...) Последующим правительствам также не нужны были команды экспертов. (...) Польшу нельзя назвать нормальным государством. (...) Обе стороны этого конфликта утратили способность мыслить, обе нацелены на один и тот же тип автоматических реакций: победа над противником. (...) Иметь под своим началом сплоченную, дисциплинированную партию считается важнее, чем участвовать в игре, где на кон поставлены высокие ценности. (...) Гниение прогрессирует, и момент, когда государство начинает разваливаться, уловить очень трудно. По крайней мере, современники этих процессов не видят. (...) Мы не замечаем, что наша государственность исчезает. Управление страной сводится к поглощению ресурсов, предназначенных для будущих поколений. Мы берем у них в долг, одновременно разбазаривая ресурсы взаимного доверия. (...) Вы,

конечно, утратили к нам всякое доверие, зато мы получили в руки Конституционный трибунал и контроль над судами. (...) Пока что обе партии ведут себя так, словно считают, будто можно эксплуатировать государство до бесконечности. Наступит ли конец? Мне кажется, это произойдет неожиданно, и встать на ноги после такого будет очень тяжело. Наблюдается некая системная и институциональная беспомощность, из-за которой мы теряем возможность влиять на развитие событий. И не стоит играть с государством в такие игры. Будет ли использовано гниение государства какими-либо внешними силами? Это с удовольствием сделает Россия или кто-нибудь еще. Я имею в виду не войну, (...) а постепенное втягивание ослабевшей страны в орбиту своего влияния. (...) Когда на занятиях я спросил своих студентов, что ожидает Польшу в ближайшие двадцать лет, более половины нарисовали довольно мрачные сценарии. Распад ЕС, война с Россией, демографический кризис, крах системы социального страхования, безумный рост цен на топливо. Мы записали все это, после чего вместе проверили, фигурирует ли какой-нибудь из этих сценариев в официальных документах. В смысле, есть ли у государства план: в этом случае мы делаем то-то и то-то. И никакого плана не было», — доктор наук, экстраординарный профессор Рафал Матыя. («Газета выборча», 3-4 июня)

• «Мы вступаем в Совет безопасности вместе с Кувейтом, Экваториальной Гвинеей, Марокко и Кот-д’Ивуаром (в группе стран Западной Европы Италию заменит Голландия). Польша стала непостоянным членом Совета безопасности ООН. (...) Срок пребывания Польши в этой структуре ООН начнется 1 января 2018 г. и продлится ровно 24 месяца». («Политика», 7-12 июня)

3: Молодые, образованные, разочарованные

Петр Куляс, кандидат социологических наук, адъюнкт Варшавского университета, сам вполне мог бы оказаться в кругу тех семидесяти с лишним собеседников, которых он отобрал для исследований. Интервью с ними послужили исходным материалом для опубликованной только что книги Куляса «Опровергаемая интеллигентность». Меткое заглавие, так как большинство героев указанной научной одиссеи — молодые, примерно тридцатилетние писатели, ученые, издатели, журналисты, публицисты, общественные активисты (в опросах и обследованиях они анонимны, но обычно уже вполне распознаваемы для широкой публики), причем почти все они довольно сдержанно относятся к своей предполагаемой интеллигентности, дистанцируясь от нее и предпочитая не идентифицировать себя в подобных терминах. Впрочем, не отождествляют они себя и со средним классом — учитывая присущие ему откровенный материализм, карьеризм и стремление к обогащению. Похожий опыт мы приобрели по случаю недавнего юбилея еженедельника «Политика», когда была организована публичная дискуссия на тему «Психическая кондиция польского интеллигента». Сотрудники нашего регулярного консультативного раздела «Я — Мы — Они», принадлежащие, что ни говори, к настоящим интеллигентам — профессор Кристина Скаржиньская, доктор наук Войцех Кулеша, кандидаты наук Магдалена Качмарек и Петр Качмарек-Курчак, — единодушно и при полном одобрении публики (заметим, интеллигентской) выразили мнение, что интеллигенция как общественный слой давно ушла в историю и что нечего воскрешать ее миф, поскольку он связан с ничем не обоснованным чувством превосходства. Нынче у нас времена нового мещанства, среднего класса, растут ряды профессионалов и экспертов; и если из всего этого и вырисовывается какой-то отчетливо выраженный слой, то его можно было бы назвать слоем специалистов, но в социальной структуре польского общества уже нет места для группы, которая питала бы убежденность в своей исключительной важности и особой миссии.

Преждевременные похороны?

Пожалуй, именно таким образом звучит наиболее обобщенное определение феномена интеллигенции (польской, русской, восточноевропейской), сформулированное в XIX веке и сопровождающее многочисленные дебаты, которые интеллигенция вела о себе самой на протяжении без малого двух столетий, — определение, отмеченное такими фундаментальными трудами, как «Социология и история польской интеллигенции» Юзефа Халасиньского (1946) или «Родословные непокорных» Богдана Цивиньского (1971). Участники публицистических дискуссий, проходивших уже в Третьей Речи Посполитой и инициированных, в частности, «Газетой выборчей», склонялись к выводу, что интеллигенция, осуществив вместе с рабочими трансформацию общественного строя, в конечном итоге бесповоротно отреклась от своей миссии и покинула сцену польской общественной истории.

Но все-таки... Петр Куляс приступал к реализации своих исследовательских намерений, воодушевленный наблюдением, свидетельствующим, что сам этот термин не исчез из современного словаря. И что такие важные на сегодняшний день для интеллектуального авангарда нашего молодого поколения институции, как левый ежемесячный общественно-политический журнал «Крытыка политична», центристский интернет-еженедельник «Культура либеральна», располагающийся на правом фланге ежеквартальник «Прессье», как издательства и объединения «На!art» или «Клуб ягеллоньски», как, наконец, «Res Publica» и «Знак», где произошла смена поколений, — это ничто иное, как интеллигентские формы сосредоточенности; зачастую это названия и значимых периодических изданий, и вместе с тем сконцентрировавшихся вокруг них интеллектуальных

сообществ. Если добавить к этому городские движения, культурные объединения и десятки тысяч неправительственных организаций, то обнаруживается некая специфическая общественная ткань. В свете сказанного не были ли похороны интеллигенции преждевременными? Разве дело не обстоит таким образом, что в очередных возрастных группах и поколениях — парадоксально и вопреки неясному ощущению собственной идентичности — интеллигентский слой возрождается? Разве та действительность, с которой мы теперь имеем дело, эта глобальная атака постправды, политической демагогии и популизма не послужит импульсом, подталкивающим к воскрешению интеллигенции, которая вновь почувствовала бы себя обязанной говорить куда более звучным голосом?

Проф. Хенрик Доманьский, классик в вопросах исследования польской общественной структуры, уже много лет выступает глашатаем мнения о неизбежном размывании интеллигенции в по-современному расслоившемся среднем классе (доля так называемых специалистов, т.е. профессионалов, экспертов и руководителей высшего звена оценивается в 10-12% всего общества). Однако же при этом он утверждает, что существует некое свойство, отличающее интеллигентов: они всегда были усердными рецензентами действий правящего класса и демонстрировали максимальную гражданскую бдительность. Конечно, их привилегированное общественное положение, необязательно материальное, но вытекающее из знаний и престижа, давало ощущение некоего превосходства, однако вместе с тем обязывало проявлять общественную активность, вести ангажированную жизнь. Так называемый интеллигентский этос, т.е. присущие интеллигенции идеалы и стандарты поведения — стиль жизни, культурные практики, система ценностей — в такой же мере возвышали ее над средним уровнем, в какой становились привлекательным образцом и объектом устремлений для тех, кого можно назвать широкими интеллигентскими массами, — для инженеров, экономистов, руководителей среднего звена, банковских чиновников, врачей, учителей и т. д. Указанный этос — безотносительно к мировоззренческим и идейным воззрениям — обычно складывался из таких качеств, как желание делиться тем, что у тебя есть, деятельность *pro bono* (ради общего блага), широта горизонтов, привязанность к таким ценностям, как эгалитаризм, плюрализм, общественная солидарность.

Тем самым во времена, когда слово «традиция» делает такую бурную карьеру, когда власть пытается извлечь из национального хранилища реквизита и атрибутов всяческие фигуры стойких, непоколебимых героев и снова рассказывать сарматскую историю поражений как моральных побед, быть может, есть прямая необходимость обратиться к другому национальному «приданому» — к эмансипации, напряженному труду и общественному служению. Из чтения тех интервью, которые провел Петр Куляс, вытекает, что, собственно говоря, именно это сейчас и происходит. Волей-неволей молодая интеллигенция обособливается и выделяется из общественного пейзажа, хотя и пребывает в явной оппозиции по отношению к своим старшим предшественникам, особенно резко критикуя при этом поколение собственных родителей.

Список претензий

Дистанцированность молодых от свойственной XIX веку юдымовско-силаческой ^{Имеются в виду врач Томаш Юдым, главный герой романа С. Жеромского «Бездомные» (1899), и героиня рассказа этого же автора «Силачка» (1895).} миссии или от героизма в период последней войны очевидна — для них это история, совсем другие времена, другие вызовы. Польская Народная республика (ПНР) видится им как явление не такое уж однозначное. С одной стороны, это эпоха так называемой трудовой интеллигенции, которая обычно формировалась в результате повышения социального статуса, и которая — по образцу известного сорокалетнего сериального героя ^{Речь идет о комедийном сериале «Сорокалетий» (1975–1978, 21 серия).} — имитировала шляхетскую генеалогию, что приводило порой к карикатурным эффектам. Однако, с другой стороны, именно в тот период дело дошло до марьяжа двух интеллигентских традиций — католической и лево-светской (не без влияния уже упомянутой знаменитой «Родословной непокорных»); тем самым в итоге возникла противостоящая авторитарной власти контрэлита, а ее институциональным выражением стал Комитет защиты рабочих (КОР). Идея о том, что интеллигенция должна служить рабочим, а потом и другим общественным слоям, нашла свое воплощение в «Солидарности» с ее экспертами, а затем — в трансформации общественного строя Польши.

Именно здесь для молодого поколения начинается, пожалуй, наиболее серьезная идентификационная проблема. Как утверждает Петр Куляс, детей «трансформационной интеллигенции» (она сама достигла сегодня 60- или 70-летнего возраста), которые часто являются ее потомками в самом буквальном смысле, ныне связывает одно: критический взгляд на трансформацию. Эти молодые люди не принадлежат к числу ее энтузиастов. Впрочем, такая критика уже сплотила изрядную часть старших возрастных групп среди исследователей общественных отношений и публицистов, которым на сегодняшний день где-то 40–50 лет. Именно так говорит об этом Петру Кулясу один из представителей указанного субпоколения (как они иной раз о себе говорят, поколения неудачно рожденных, потому что им не дано пережить никакого общего для всех потрясения), проф. Дариуш Гавин: «Интеллигенция, собравшаяся вокруг Тадеуша Мазовецкого, осуществила преобразование ПНР в Третью Речь Посполитую, а после тяжелого поражения своего лидера на президентских выборах 1990 г. именно она сформировалась в политическую партию, воспринимая себя при этом в качестве интеллигентской партии».

Третью Речь Посполитую можно признать интеллигентским проектом. Класс капиталистов еще не сложился, так что роль гегемона взяли на себя «культурные капиталисты», — при этом данное мнение разделяет, как представляется, большинство исследователей польского общества, принадлежащих к вышеназванному среднему поколению, например, Мацей Гдуля, Пшемислав Садура, Томаш Зарицкий. Но наряду с ними точно так же думает и целая плеяда публицистов, которые сегодня близки к лагерю власти, т. е. к партии «Право и справедливость» (ПИС). В свою очередь, другая представительница данного поколения, философ и публицистка Агата Белик-Робсон, описывает их следующим образом: «Какая-то часть моего поколения пошла "дорогой изгнания", выбрала внутреннюю и внешнюю эмиграцию. Но значительно большая его часть остается абсолютно стадной и конформистской, причем это патологическая стадность в отвергнутом ими мире; среди них, в частности, журналисты и публицисты: Павел Лисицкий, Петр Семка, Петр Заремба, Яцек и Михал Карновские, да и вся так называемая правая интеллигенция. Причем, невзирая на то, что все эти люди рассорились, они по-прежнему говорят одним голосом».

В чем же конкретно обвиняется интеллигенция эпохи трансформации? В *hard* версии (скорее, правой) — в измене идеалам общественной солидарности и национальных интересов, в версии *soft* (левой) — в наивной вере в конец истории, либеральную демократию и свободный рынок на вечные времена. В насаждении взгляда, что именно «капитализм эффективно реализует этос доктора Юдыма». В заражении окружающих верой, будто модель невидимой руки рынка обеспечит экономический рост, а это будет гарантировать демократический порядок в стране и смягчит возможные социальные напряжения, поскольку откроет для многих дискриминируемых общественных групп новые пути продвижения вверх. В создании образа общества с многочисленным средним классом, куда каждый сможет себя кооптировать, если только захочет взять судьбу в собственные руки и надлежащим образом трудиться (лучше всего — по 14 часов в сутки).

Именно так огромная группа образованных и эрудированных 30-летних обитателей больших городов видит поколение своих матерей и отцов, которые в течение последних двух лет ходили на направленные против ПИС демонстрации и манифестации Комитета защиты демократии, удивляясь, как мало там молодых. И это отнюдь не является оценкой, зарезервированной для приверженцев правых взглядов, для католических традиционалистов или молодых националистов, для избирателей Павла Кукиза и поклонников Януша Корвин-Микке. Как констатирует Петр Куляс, молодые левые и молодые правые говорят по данному вопросу на одном и том же языке.

Благодаря генам и благодаря образованию

В итоге образованных и занимающихся умственным трудом (молодое поколение) жителей больших городов связывает некий общий знаменатель, который Петр Куляс мог бы описать в пяти пунктах. Кроме уже указанного ранее протеста против трансформации (вот цитата из результатов его исследований: «... трансформационная элита продала народу сказку»), сюда входят еще четыре, а именно: отрицание стиля жизни среднего класса («нет смысла трудиться исключительно ради того, чтобы зарабатывать»); ощущение отсутствия стабильности (неустойчивая, даже шаткая карьера, ненадежность профессионального положения и заработков); тоска по более заметному присутствию государства в жизни (они считают замену государства рынком и гражданским обществом одним из элементов трансформационной сказки); наконец, осознание периферийности Польши (реальное присоединение Польши к Западу всё еще продолжает оставаться декларацией).

А что их разделяет? Разумеется, мировоззрение, политические симпатии (хотя и здесь опять-таки доминирует убежденность, что политика — это в общем и целом грязная игра, недостойная того, чтобы ангажироваться в нее), а также — и это заслуживает особого внимания — осознание своих корней.

Лица, которые воздерживаются от того, чтобы идентифицировать себя как интеллигентов, — это в значительной степени (хотя не только) люди, не очень давно приехавшие в большие города, зачастую интеллигентского происхождения, но все-таки провинциалы. Для них интеллигенцией являются ровесники, выходцы из семей укорененных в метрополисах, с несколькими поколениями предков на старинном варшавском кладбище Повонзки, с домами, полными книг и титулованных друзей, с аттестатом зрелости из легендарного комплекса восьми школ на расположенной в самом центре Варшавы улице Беднарской и с дипломом межфакультетского индивидуального гуманитарного обучения в Варшавском университете. Вот как формулирует все это одна из респонденток Куляса: «Не могу сказать, что интеллигентность — это мой статус или нечто, вынесенное из родительского дома. Я вижу людей, которые принадлежат к интеллигентам по факту рождения. Временами вижу их статусность, которую они защищают, употребляя для этого определенные формулы и словно бы ограждая себя: "...ах, у меня в доме было столько книг" или: "...дома родители всегда разговаривали со мной об этом или о том". Есть такие вещи, которые я не умею делать, которых не пережила; или же такие воспоминания, которые у меня отсутствуют: "...а когда я ходила с папой под парусом на лодках с профессором таким-то и таким-то, то дул страшный ветер...».

Является ли всё это выражением какого-то комплекса или чувства, что «я хуже»? Скорее, нет. Приезжие вместо того, чтобы бороться за пожалование им благородного интеллигентского звания, предпочитают причислить себя — выражаясь по-английски — к *profes*, т.е. к специалистам, экспертам. Или же вообще не называть себя никак, потому что в их понимании всякие именованья, всякие возвращения к корням пахнут патернализмом,

стадностью и снобизмом.

Тем не менее как одни (интеллигенты «по рождению»), так и другие («импортные») солидарно отмежевываются также от среднего класса. Это отмежевание заключается в том, что они отвергают стиль жизни, приписываемый этому классу: нуворишское стремление к обогащению, обрастание вещами, консьюмеризм, готовность вкалывать до изнеможения ради самого факта владения. В обстановке квартир или в одежде у таких людей обязательны минимализм (хотя и не аскетизм). Обязательны также начитанность, систематическое общение с актуальной культурой (разумеется, какой-то единственный канон уже много лет отсутствует), посещение тех мест, где стоит бывать («от некоторых форм участия в культуре мы сознательно отказываемся — пожалуй, ни у кого из нас нет телевизора»).

Как говорит исследователь, общим для этих отрицающих интеллигентов является представление об осмысленности и полезности собственного существования. Они понимают это как ответственность за свое ближайшее окружение, за семью, за работу. А как насчет готовности к реализации некой миссии, какого-то волонтерства, общего блага? Да, но без чрезмерности; при этом, по словам Куляса, им, однако, все-таки немножко хочется еще и хорошо жить.

Таким образом, независимо от самоидентификации и генеалогии интеллигентность этих молодых людей словно бы сама собой всплывает наверх. Она проявляется и в стиле жизни, и в этосе. Осмысленность существования представляет собой ту черту, которая издревле характеризует интеллигенцию, — вот к какому заключению приходит ученый.

Молодые за себя постоят

Вполне правдоподобно наступление такого момента, когда это поколение откроет, что окружающий его мир угрожает осмысленности их собственного, сугубо индивидуального существования. В том числе мир политических игр, от которого они сейчас дистанцируются. Точно так же, как их родители в 1980-х годах, они почувствуют в конечном итоге какой-то импульс, толкающий их внятно напомнить о себе и о тех, кто слабее их. Исследователи польского общества, например, Анджей Ледер, утверждают, что должно пройти немало времени, прежде чем очередное поколение сумеет представить образ будущего альтернативный по отношению к тому, что предлагает ПИС, а также построит институты, эффективно конкурирующие с ныне действующей системой власти.

В какие-то моменты кажется, что этот импульс уже где-то близко, что между молодыми дело доходит по крайней мере до какого-то обмена мнениями поперек существующих политических водоразделов и во имя — выражаясь высокопарно — общего блага. Вот что писала недавно на страницах интернет-журнала «Культура либеральна» Катажина Кася, философ и зам. декана одного из факультетов столичной Академии изящных искусств: «Молодые люди все чаще положительно воспринимают то, что предлагают им правые круги. (...) И вместо неясного статуса многонационального Евросоюза выбирают крепкие корни, однозначную национальную идентичность и простую, прямолинейную логику, в рамках которой надлежит делать виновными в собственных несчастьях, в своей бедности и социальном исключении каких-то других людей — хотя бы не принятых в нашу страну беженцев. (...) К власти пришла партия ПИС, объединение «Кукиз'15» тоже добилось немалого успеха (...). Если говорить об идеологическом слое, то ни один из названных политических организмов не в состоянии предложить ничего, кроме горстки "правых" лозунгов. Я не вижу на польской политической сцене молодых и динамичных правых сил, скорее вижу простирающееся между оппортунизмом Бартоломея Мисевича и брызжущим ненавистью крайним радикализмом Яцека Мендлыра отсутствие какой-нибудь целостной и хорошо увязанной концепции. А потому я обращаюсь к разочарованным в разной степени молодым интеллектуалам правой ориентации с вопросом: почему в Польше не возникло по-настоящему полноценное правое движение? Почему вы допустили, чтобы вместо него сформировался популистский гибрид, сочетающий социальные требования с ошибочно понимаемой национальной гордостью? Неужто вы и вправду связывали свои надежды с таким правительством? Настало время, чтобы перестать повторять звонкие фразы о фундаментальной роли национального наследия и найти в себе мужество, необходимое для конфронтации с современными проблемами. А для этого нужно взять ответственность на себя».

Иначе говоря, все не так уж плохо. Ведь эти наши молодые все же о чем-то спорят. Старшим приходится с достоинством принять их критику — ведь эстафета бунта молодого поколения против предшествующего вполне естественна. Сегодняшние молодые люди в принципе ровно такие же, какими были их родители, когда претворяли в жизнь «трансформационную сказку». С той лишь разницей, что благодаря поколению родителей нынешняя молодежь обычно лучше них образована, обеспечена и обустроена, она пользуется открытыми границами и свободой высказывания того, что думает. Когда-либо молодые это оценят. Однако в первую очередь они должны поверить в собственные утопии и совершить собственные ошибки.

Цитаты в тексте взяты из книг Петра Куляса «Разговоры об интеллигенции» (2016) и «Опровергаемая интеллигентность» (2017).

4: Эмигранты

Государство Кабуто имеет флаг, территорию (участок луга в деревне Венява) и несколько тысяч граждан, количество которых постоянно растет.

Мешко Маковский основал свое государство под Радомом. Он не называет себя ни королем, ни даже князем, предпочитая юридически-чиновничью номенклатуру и подчеркивая скорее административные, нежели имперские функции государства Кабуто. По словам Мешко, они касаются исключительно управления. Хотя государство имеет собственные законы (начертанные рукой монарха — ознакомиться с ними можно на интернет-сайте), экономическую систему и границы, трудно себе представить, чтобы этот участок поля мог вместить всех людей, которые на сегодняшний день получили гражданство Кабуто.

Мешко Кабутанский

Монарх усаживает гостей на тахту, сам садится в изголовье и разъясняет нам вопросы государственной независимости. Государство Кабуто располагается на территории Польши, Хорватии и Канады. В Польше суверенитет его в наибольшей степени ограничен (законом об анклав). В Хорватии для признания независимости государству достаточно иметь участок земли и граждан, примерно так же обстоит дело в Канаде (где территория Кабуто представляет собой не землю, а воду). В польской же конституции ясно сказано: микронация обязана подчиняться законам страны.

Все это непросто, но Мешко, сделав глоток чая, спокойно замечает, что территорию получить, в сущности, очень легко. Надо только отыскать участок земли, который никому не принадлежит. Конвенция о правах и обязанностях государств, подписанная в 1933 г. в Монтевидео, гласит, что достаточно на такую территорию ступить, установить свой флаг и заявить, что она занята. Еще там говорится: «государство как субъект международного права, должно обладать следующими признаками: (а) постоянное население; (б) определенная территория; (в) правительство; и (г) способность к вступлению в отношения с другими государствами». В случае Кабуто оказалось достаточно заявить о создании государства. Землю на территории Польши Мешко просто купил. В Хорватии и Канаде — нашел по интернету. Часами сидел, разбираясь в международных конфликтах и разыскивая земли-сироты — никому не принадлежащие, свободные. Нашел два участка, объявил, что их занимает, и таким образом присоединил к государству Кабуто.

— Большое значение имеет название государства, — объясняет основатель Кабуто, — оно звучит для Польши достаточно экзотично и это влияет на восприятие: к такой стране человек сразу преисполняется уважением. Как основать страну, не выходя из своей радомской квартиры? Мешко Маковский все продумал: новое государство должны признать другие страны. В этом вопросе Мешко неосмотрительно помогло польское государство. Однажды в дверь постучал почтальон — принес повестку в полицию: Маковского вызывали для дачи показаний. Мешко, по его собственным словам, совершенно не встревожился, поскольку ничего серьезного у него на совести нет. Он понимал, что польское государство обеспокоено созданием анклава на лугу под Радомом и именно поэтому требует явиться в ближайшее отделение полиции. Мешко открыл конверт и в официальном документе с государственной печатью и орлом прочитал, что «господин Мешко Маковский, проживающий по такому-то адресу, номер удостоверения личности такой-то, вызывается для дачи объяснений в связи с основанием государства Кабуто».

— В государственном документе, — объясняет монарх, — было упомянуто название государства Кабуто, от его основателя требовали объяснений. Таким образом польское государство автоматически признало Кабуто. Итак, государство Кабуто имеет территорию, граждан, число которых постоянно растет, и флаг: зеленое поле пересекает белая полоса, на ней — черный круг. Как утверждает монарх, флаг символизирует «пограничное» положение Кабуто между двумя системами. Граждане получают удостоверения личности. Очередную партию почтальон приносит как раз в тот момент, когда Мешко, сидя на тахте, объясняет нам нюансы международного права.

— Лично я с ними не знаком, — говорит Маковский, вертя в руках пластиковую карточку. — К нам в Кабуто, обращаются разные люди. Чаще всего те, кому не нравится, как устроено польское государство, его налоги, его бюрократия, его отношение к людям, которые хотят заниматься своим делом, работать в поте лица, на пути которых оно ставит бюрократические препоны. У меня нет причин отказывать кому-либо в гражданстве Кабуто. Разве что известному международному преступнику, но об этом мы договорились заранее.

Кандидаты заполняют специальную анкету на интернет-сайте. Указывают основные личные данные. Заявление считается рассмотренным с момента его прочтения правительством Кабуто. Новые граждане могут зарегистрировать в Кабуто фирму. Они не станут жертвой бюрократии. Кабутанский предприниматель не будет стоять в очередях и спорить с тетенькой в окошке, потому что, во-первых, здесь нет таких тетенок, во-вторых — нет окошек.

На вопрос, причисляет ли он — создатель поистине либертарианского рая — себя к либертарианцам, Мешко

Маковский отвечает: — Система Кабуто имеет много либертарианских черт. Но я не хочу, чтобы меня ассоциировали с Корвин-Микке. У него много прекрасных идей, но вокруг них накручено еще больше глупых и ненужных слов. Скажем так: Кабуто является протестом против польской системы, против политиков, которые не замечают, сколько препятствий ежедневно возникает перед гражданами.

В королевстве Кабуто есть министры. Они объявили, что хотят помочь, что для них это важно, что они умеют это делать. Мешко их проверил (в эпоху фейсбука это несложно) и поверил. Тот, кто хорошо себя проявил, остался на службе.

Мешко Маковский — противник польской налоговой системы. В Кабуто налогов нет. На возможные упреки — что он, мол, на польские налоги получил образование и лечился в рамках государственной службы здравоохранения — Мешко возражает: — Большинство налогоплательщиков все равно лечится частным образом, поскольку в государственных медицинских учреждениях очередь на несколько лет вперед. Я тоже лечусь частным образом. Я плачу налоги, потому что обязан, но стремлюсь это положение дел изменить. А как помочь тем, кто, в отличие от него, не умеет устроить свою жизнь?

— Я имею в виду тех, кто хуже образован, происходит из бедных регионов и бедных семей. Важно, чтобы они стремились работать, изменить ситуацию, в которой оказались. Не стоит во всем полагаться на государство. Пока что Маковский политикой заниматься не намерен. Но в будущем не исключает такой возможности. Говорит, что уже получил предложение от всех значимых политических сил в этой стране. Оппозиционных, — уточняет он. Но отказал в сотрудничестве, поскольку, по его словам, не может работать во имя идей, с которыми не согласен.

— Чувствую ли я себя польским патриотом? — повторяет Мешко мой вопрос. — Трудно сказать. Если патриотизм — это действовать так, чтобы становилось лучше, то да. Но сейчас я ощущаю свою связь с Королевством Кабуто. Так что я патриот, но польско-кабутанский.

Мешко Радомский

Он еще в детстве чувствовал, что не хочет жить, как все: гонять мяч да играть в компьютерные игры. День прошел — и ладно. В шестнадцать лет пошел работать.

Сегодня Маковский затрудняется объяснить свою мотивацию, но, по его словам, она наверняка была сильной. Он хотел работать на себя. Необходимости в этом не было, поскольку семья Мешко — не из бедных. Однако юноша хотел реализоваться и иметь деньги на свои нужды. Правда, эти нужды, как правило, означали очередные инвестиции. Такого, чтобы взять и прогулять заработанное, не случалось: нужно непременно инвестировать — железное правило бизнеса.

Маковский начинал с торговли настольными играми. Едва закончив лицей, открыл в Радоме магазин, в котором продавал игры, но недолго, поскольку оказалось, что в этом городе спрос на интеллектуальные развлечения невелик. Одновременно он изучал физиотерапию, так что после настольных игр сделал ставку на физиотерапевтический кабинет. Кабинет продержался несколько лет, принося кое-какой доход. Кое-какой — это примерно столько, сколько ровесникам Мешко хватило бы с лихвой, то есть около двух тысяч злотых в месяц. — Я не хотел быть таким, как они, — говорит он. — До тридцати лет жить с мамочкой, ждать, пока перед тобой поставят тарелку, и целыми днями смотреть телевизор или играть в компьютерные игры. Я хотел чего-то большего. Две тысячи злотых в месяц не были моей целью. Миллион к тридцати годам? Может, и нет, потому что до тридцатилетия мне осталось несколько месяцев. Но к тридцати двум-тридцати трем — почему бы и нет? Занимаясь бизнесом, он проходит тернистый путь польского бизнесмена. Протестует против системы, в которой молодой предприниматель, не зная, какое его ждет будущее, сработает ли идея или окажется погребена под законами сложного польского рынка, должен регулярно делать выплаты в Управление социального страхования. Он против системы, которая, не давая ничего взамен, заставляет бесконечно возиться с бумагами, ходить по инстанциям и трепетать перед каждой комиссией.

Поэтому после физиотерапии Мешко изучает администрирование, проникает в тайны искусства управления и учится, например, как правильно оформить заявку, чтобы государственная машина не порвала ее в клочья. Открывает новый бизнес: теперь он учит, как получать финансирование от Евросоюза. Результаты прекрасные, клиентов хватает, но Маковский не разрешает себе почить на лаврах — инвестирует, инвестирует, инвестирует. Главным образом, в будущее. Откладывает деньги — пригодятся, когда он почувствует, что пора посвятить себя какому-то делу.

За это время — перечисляет Мешко с присущей ему скрупулезностью — он прошел практику в районном суде, получил дополнительное образование в области трудового права, координировал работу акционерного общества Государственной казны и руководил Обществом развития Радомского региона, которое сам основал. Потом придумал фонд. Название — «Уроборос» (мифический змей, кусающий себя за хвост). Цель — помощь тем, кого польская государственная машина прожевала и выплюнула. Маковский постепенно отходит от оформления заявок в Евросоюз, но знания, которые он почерпнул, часы, проведенные за изучением лазеек в евросоюзных документах, помогают ему отыскать лазейки в польском законодательстве.

— Я не юрист, но могу помочь тому, с кого государство несправедливо требует проценты, — объясняет Мешко Маковский. — Я сижу с каждым таким делом, ищу лазейки в законе, которые позволили государству обидеть

гражданина, а потом лазейки, которые позволят мне ему помочь. И подсказываю: напишите то-то, отошлите по такому-то адресу. Или засыпайте жалобами, пока они не откажутся от своих требований. Часто это срабатывает. Поэтому и появилось Кабуто. Во-первых, как говорит Мешко, чтобы распространить идеи «Уробороса» в средствах массовой информации. Во-вторых, новое государство призвано стать «прибежищем» для тех, кому некомфортно в рамках польской системы. Маковский за работу в фонде и за управление Кабуто денег не берет.